

Заключительная статья "Вид, время, способ действия" содержит попытку применить аспектуальную концепцию французского семитолога Давида Коэна [Cohen 1989] к типологическому анализу четырех глагольных систем – французской, персидской, русской и бадага (дравидийская семья). Концепция Д. Коэна исходит из существования двух оппозиций в аспектуальной сфере: комплетива/инкомплетива и синхронности/несинхронности с точкой отсчета. Помимо аспекта, в языках может выражаться также категория способа действия, в которую входит прежде всего противопоставление по предельности/непредельности, а также инхотатив, континуатив, итератив, семейфактив, конатив и др. значения. Русская глагольная система в этих терминах описывается как система с невыраженной синхронностью и немаркированным НСВ, т.е. в целом русский оказывается языком, в котором аспектуальность подчинена предельности (подобный вывод, впрочем, уже делался целым рядом славистов).

По поводу концепции Д. Коэна можно сказать, что в свое время она, безусловно, была шагом вперед в типологическом описании аспекта, но в ней имеется целый ряд ограничений и недостатков, которые особенно чувствительны именно при типологическом исследовании. С нашей точки зрения, применение этой концепции в типологии особенно неудачно из-за слишком узкой трактовки аспекта и, напротив, слишком широкой трактовки способа действия – под это понятие попадают как явления, связанные с акциональной классификацией предикатов (но далеко не все), так и явления скорее аспектуальной природы. Во многих современных типологических концепциях (в частности, у Л. Юхансона, у Х. Зассе и В. Броя, в определенном отношении у К. Смит и др.) эти противопоставления разграничены лучше и трактовка аспекта в целом глубже и адекватней (см. подробнее обзор этих исследований в [Плунгян 2000]). Как бы то ни было, концепция Коэна имеет право на существование, и знакомство типологов с ней бесполезно.

Таким образом, приведенный обзор, при всей своей беглости, дает, как мы надеемся, представление о значительности вклада Лазара в типологическую проблематику, о широте рассмотренных им проблем и новаторстве многих решений. Данный сборник, безусловно, должен занять почетное место в библиотеке любого типолога. Заметим в заключение, что российские типологи могут быть особенно признательны Ж. Лазару как одному из немногих западных лингвистов, систематически использующих русскоязычные работы и хорошо ориентирующихся в достижениях отечественной типологии: ссылки на Г.А. Климова, А.Е. Кибрика, Н.А. Козинцеву, В.П. Недялкова и других лингвистов в работах Лазара нередки и всегда уместны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Подлесская 2001 – В.И. Подлесская. Переключение референции: дискурсивные функции грамматической категории // Исследования по теории грамматики. Вып. I: Глагольные категории. М., 2001.
- Cohen 1989 – D. Cohen. L'aspect verbal. Paris, 1989.
- Daniel, Plungian 1999 – M. Daniel, V.A. Plungian. STUF 1999. 51. № 1: Rec.: J. Feuillet (ed.) Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin, 1999.
- Feuillet 1998 – J. Feuillet. Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin, 1998.
- Givón 1994 – T. Givón. Irrealis and the subjunctive // Studies in language. 1994. 18. № 2.
- Lazard 1957 – G. Lazard. Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.
- Lazard 1994 – G. Lazard. L'actance. Paris, 1994.
- Lazard 1998 – G. Lazard. Actancy. Berlin, 1998.
- Lazard, Peltzer 2000 – G. Lazard, L. Peltzer. Structure de la langue tahitienne. Paris, 2000.

В.А. Плунгян

P. Wexler. Two-tiered Relexification in Yiddish, Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 2002. (Trends in Linguistics. Studies and monographs 136), 713p. + index + bibliography.

Рецензируемая книга "Двуступенчатая релексификация в идише – евреи, лужичане, хазары и киевско-полесский диалект" венчает большую серию работ П. Векслера, опубликованных в последнее десятилетие. В этих

работах излагается его парадоксальная концепция происхождения еврейских языков, в частности, идиша. П. Векслер – один из самых известных специалистов по еврейским языкам. Уроженец Соединенных Штатов,

родившийся в семье эмигрантов из России, он в конце 1960-х гг. репатриировался в Израиль и работает по сей день в Тель-Авивском университете. Широкая известность в профессиональных кругах пришла к нему еще в 1970-х гг. после опубликования ряда работ, посвященных дисциплине, названной им "еврейской интерлингвистикой". Под ней он понимал исследование своеобразного феномена, который получил в социолингвистике название "еврейских языков". Под этим термином понимаются вербальные коммуникативные языки, бытовавшие среди разных этнических групп внутри еврейской цивилизации. Все эти языки находились всегда в состоянии диглоссии с древнееврейским языком, *лашон-акадеш*, который выполнял функции метаязыка еврейской цивилизации. Парадоксальным образом сам древнееврейский, как и современный израильский иврит, являясь языками евреев, не относятся к категории "еврейских языков". Последних в истории было не так мало, около двух десятков. Наиболее ранними из них, видимо, были еврейско-арамейский и еврейско-греческий языки. Первый сложился в Двуречье в середине I тыс. до н.э. среди евреев, выселенных вавилонским царем Навуходоносором из Иудеи в Месопотамию. Некоторая часть этих евреев вернулась в Иерусалим в первые десятилетия существования империи Ахеменидов, а значительная часть осталась жить на новых местах, образовав тем самым первую общину еврейской диаспоры. Греческий язык пришел в еврейскую среду с эпохой эллинизма в IV–III вв. до н.э. Он стал языком второй после вавилонской крупной диаспорной общины евреев – египетской. Как известно, именно в Александрии в последние века до н.э. был осуществлен перевод Торы на греческий (так называемая Септуагинта). Текст Септуагинты лег в основу христианского канонического текста Ветхого Завета. Еврейско-греческий язык, называемый также *яванит* (от еврейского названия Греции "Яван"), на грани эр превратился в разговорный язык еврейского населения Римской империи за пределами Иудеи. Еврейские колонии в последние века до н.э. и первые века н.э. существовали во всей зоне Восточного Средиземноморья, включая и Причерноморье вплоть до устья Дона. Были они и в самой Италии, в Галлии, Германии, конечно, в Северной Африке. Яванит дожил до совсем недавнего времени. К началу Второй мировой войны он еще был распространен в северо-западной Греции и в Албании. Сегодня он практически исчез, хотя, возможно, где-то

доживают свой век несколько престарелых носителей.

Судьба еврейско-арамейского языка была более сложной. На нем был создан величайший памятник еврейской мысли – Талмуд, написаны многие классические произведения раввинской учености. Это привело к тому, что в какой-то момент он практически слился с родственным ему древнееврейским, образовав, таким образом, мертвый метаязык *лашон-акадеш*. Но разговорные формы еврейско-арамейского, называющиеся *таргум* (от ивритского таргум 'перевод', т.е. язык канонического перевода Торы на арамейский) или *лисана-дидан* ("наш язык"), не исчезли после образования метаязыка и также дожили до наших дней. На нескольких диалектах этого новоарамейского языка до сих пор говорит этническая группа курдистанских евреев, или лахлухов, которые до 1950-х гг. жили в Курдистанском нагорье, а теперь почти все переселились в Израиль. Очень многочисленные группы этих евреев до сих пор живут в Грузии, Казахстане, Турции и Иране.

По мере расселения по миру еврейской диаспоры множилось и количество еврейских языков. В Испании стал складываться еврейско-испанский язык, который окончательно обособился от испанского после изгнания евреев с Пиренейского полуострова в конце XV в. Сегодня этот язык, называемый *ладино*, или *джудезмо* (соответственно, от слов "латинский" и "еврейский"), язык этнической общности сефардов, подобно другим еврейским языкам, доживает свои последние часы. На нем практически не осталось одноязычных носителей, небольшое количество вообще говорящих на нем сохранилось в Израиле, где ладино вытесняется ивритом, в балканских странах, где он ассимилируется местными языками, такими как греческий, болгарский, сербский, македонский, турецкий, и отчасти в США, где его носители переходят на английский язык.

В средние века существовал еврейско-французский язык, *западный лозз*, т.е. "иностранный", исчезнувший после изгнания евреев из Франции в XIV в. Романскими были также *южный лозз*, или еврейско-итальянский, доживший до XX в. и сейчас стремительно исчезающий, и еврейско-провансальский *шуа-дит*, просуществовавший до начала XIX в. в Южной Франции. В X–XVII вв. в Киевской Руси и Чехии бытовал еврейско-славянский язык, который сами носители называли *кена-анит*, т.е. "ханаанский". Такое странное название объяснялось тем, что на славянские страны было перенесено библейское назва-

ние Ханаан, подобно тому, как библейскими понятиями Сефарад и Ашкеназ евреи стали именовать Испанию и Германию.

Еврейские языки были известны и на Востоке. Наиболее распространенным был еврейско-арабский язык, от средневековой формы которого остались многочисленные письменные памятники. В период между X и XX вв. на разных диалектах арабского говорили разные еврейские этнические группы от Испании до Ирака. В последнее время он сохранился в Северной Африке, где он называется *жудео-араб* (в Йемене и в Ираке).

На персидской основе сложились разнообразные еврейские языки в Иране, Средней Азии и на Кавказе. Почти все они сохранились до наших дней, хотя в последние десятилетия и они находятся в кризисном состоянии и количество их носителей стало стремительно сокращаться, вытесняясь как нормативным фарси в Иране, так и русским, английским и ивритом в местах их сегодняшнего расселения. Наиболее известны из иранско-еврейских языков еврейско-татский *джухури*, язык горских евреев Азербайджана и Северного Кавказа, и еврейско-таджикский, язык бухарских евреев, большинство которых переселились в последнее десятилетие из Средней Азии в США, Израиль и Австрию.

Кроме перечисленных языков существовали также немногочисленные еврейские этнолекты различных языков, среди носителей которых на протяжении многих веков жили различные еврейские этнические группы. Таковы еврейско-крымско-татарский, бытовавший среди крымчаков; тюркский караимский язык среди восточноевропейских караимов; греческо-караимский среди небольшой караимской общины Стамбула; еврейско-грузинский среди грузинских евреев; еврейский вариант диалекта конкани языка маратхи среди бени-исраэль района Бомбея; еврейско-малайлам у кочинских евреев Южной Индии; еврейско-берберский в горах Атласа в Марокко; возможно, еврейско-китайский; еврейско-агау в Эфиопии и ряд других.

Но, конечно, самым известным из еврейских языков справедливо считается идиш, еврейско-немецкий язык ашкеназских евреев. До начала Второй мировой войны на идише говорило около 10 миллионов евреев Восточной и Центральной Европы от Эльзаса на Западе до России на востоке. Сегодня после трагических событий Холокоста и радикальных социальных и политических перемен второй половины прошлого века обычный разговорный идиш практически исчез. Современное население, потомки тех, кто говорил на идиш, сегодня говорят преимущест-

венно по-русски. В результате массовой миграционной волны, накрывшей ашкеназских евреев в конце XX в., сегодня их потомки ассимилируются в ивритской, английской и немецкой языковых средах. Значительная часть носителей языка идиш, оставшаяся в пределах бывшего Советского Союза, почти исключительно русскоязычна. Следует отметить, впрочем, и некоторое количество евреев-ашкеназов, говорящих на языках стран, где они живут, таких как литовский, латвийский, эстонский, украинский и др. Попытка сторонников идиша превратить его из "еврейского языка" в национальный язык еврейского народа, предпринятая несколькими поколениями еврейской интеллигенции в конце XIX – начале XX в., потерпела поражение. Причиной этого стал Холокост. В настоящее время идиш остается живым только в ультраортодоксальной хасидской среде в США и Израиле. Число говорящих на нем, как на "еврейском языке", оценивается сегодня примерно в 300–400 тысяч человек. Количество тех, для которых идиш – единственный язык, стремится к нулю.

На протяжении прошлого века в рамках еврейской интерлингвистики сложилась более или менее общепринятая концепция истории идиша. В наиболее четком виде она изложена М. Вайнрайхом [Weinreich 1980]. Согласно М. Вайнрайху, еврейско-немецкий язык складывается в последние века 1 тыс. н.э. в центральной части Рейнского бассейна в районе сегодняшних городов Майнц, Вормс и Шпейер, которые в еврейской исторической традиции известны под акронимом ШУМ и воспринимаются как "малая родина" ашкеназов. Субстратом этого раннего идиша были западный и в меньшей мере южный лозы. Оттуда идиш распространялся вначале на немецкую зону Подунавья, где Регенсбург фигурирует в числе наиболее ранних еврейских поселений Центральной Европы. Затем, с XIII–XIV вв., но особенно интенсивно с XV в., идиш проникает в славяноязычную зону Восточной Европы, впитывает в себя славянский адстрат и окончательно ассимилирует еврейско-славянские "кенаанские" языки в Чехии и на территории современных Украины и Белоруссии (к началу XVII в.).

С того времени идиш делится на две диалектные группы – западную и восточную. Западная, распространенная в Центральной Европе, подразделялась на несколько говоров, в том числе голландский, эльзасский, которые сохранялись еще в первой половине XX в. Восточная диалектная группа подразделялась на литовский говор (современная Литва и Белоруссия), польский и украинско-

бессарабский говоры. Промежуточным между восточной и западной группой считался венгерский диалект идиша. Западный идиш стал клониться к упадку еще в XIX в. вследствие процесса еврейской эмансипации, гаскалы, приведшего к распаду сегрегированной еврейской социальной структуры. Восточный идиш дожил до наших дней, хотя Холокост и нанес ему смертельный удар. Сегодня идишем в какой-то мере владеет еще старшее поколение евреев Украины, Литвы, Молдавии, Румынии, в меньшей мере России, Польши, Словакии, Хорватии, США, Аргентины, Израиля. За пределами ультраортодоксального сообщества идиш ни для кого более не является родным языком, т.е. языком, на котором ребенок начинает говорить в детстве.

В последние десятилетия эта хрестоматийная концепция возникновения и истории идиша стала подвергаться сомнению. В основе этого лежали, главным образом, экстралингвистические соображения, в первую очередь неправдоподобный демографический рост еврейского населения Польши в период XVI – первой половины XVII вв. Это заставило ряд авторов искать иные причины такого явления, кроме миграции евреев из Германии в Речь Посполитую. Частью таких поисков стала т.н. "хазарская версия", которая в своем наиболее полном виде сформулирована известным писателем А. Кёстлером в 1976 г. [Koestler 1976]. Автор, который не был ни лингвистом, ни историком, предположил, что ашкеназы в большинстве своем являются физическими потомками не немецких евреев раннего средневековья, в свою очередь восходивших к древним евреям античной Иудеи, а иудаизированных хазар, живших в Восточной Европе в VIII–X вв. Основанием для такого вывода служила уже упоминавшаяся выше странная демографическая кривая XV–XVII вв. и ряд других противоречий в классической теории о происхождении идиша. В последние десятилетия появились и более профессиональные, чем кёстлеровская, опровержения вайнрайховской теории, опирающиеся на чисто лингвистические соображения. Обнаруживается, в частности, что германский компонент идиша обладает признаками, сближающими его, скорее, с баварским диалектом немецкого, чем с диалектом, распространенным на Среднем Рейне. Это обстоятельство поставило под сомнение прямую генетическую связь между раннесредневековым еврейско-немецким идиомом в районе ШУМ и более поздним идишем, который, как полагают ряд авторов, обязан своим возникновением практи-

чески неизвестному еврейскому населению восточной приальпийской зоны в начале истекшего тысячелетия. Эта точка зрения развивается рядом авторов, участников оксфордского семинара по истории идиша, проведенного в 1985 г. [Katz (ed.) 1987].

Однако никто из критиков не зашел столь далеко, как П. Векслер. Он подвергает пересмотру не только и не просто географические и хронологические параметры вайнрайховской схемы, но и вообще взгляд на идиш как на еврейский и на германский язык. Он рассматривает его то как славянский язык, то как "славяно-тюркский", то как разновидность пиджин-креольских языков. Эта новая концепция начала развиваться в ряде его работ начала 1990-х гг. [Wexler 1991; 1993], но завершенную форму она приобретает только в рецензируемой книге.

Книга состоит из следующих 4 глав: 1. Гипотеза релексификации в идише; 2. Подходы к исследованию идиша и других еврейских языков; 3. Критерии отбора германских и иврито-арамейских и сохранения славянских элементов в идише; 4. Доказательства двухступенчатой релексификации идиша: от верхнелужицкого к немецкому и от киевско-польского к идишу.

В основе этой столь фраппирующей концепции лежит слабо разработанное в лингвистике понятие релексификации. Оно в основном используется в последние десятилетия при исследовании пиджин-креольских языков и понимается как обозначение процесса вытеснения вокабулярия субстратного языка суперстратным при интенсивном языковом контакте. Впервые это понятие было введено в лингвистическую литературу в начале 1980-х гг. на примере так называемого "медиа-ленгва", эквадорского креольского языка на испанской лексической основе, и использовалось оно главным образом в контексте дискуссии о "смешанных языках". В своем крайнем выражении релексификация, по крайней мере, теоретически, может принимать формы полной или почти полной замены одного вокабулярия другим при сохранении структурных характеристик языка-субстрата. В какой-то степени это явление известно нам на примере классических пиджин-креольских языков, таких как гаитянский или ямайский креоли, сранан-тонго, хиримоту, ток-писин или бислама. Во всех них мы обнаруживаем лексику социально-доминантного языка-суперстрата и структурные характеристики аборигенных языков-субстратов.

По мнению П. Векслера и его коллег, разработчиков концепции релексификации, процесс замены вокабулярия может происхо-

дить быстро и иметь своим результатом тотальную смену словаря. Сохранение, однако, структурных особенностей старого языка, особенно синтаксических конструкций, по мнению П. Векслера, будет считаться достаточным аргументом в пользу установления генетической природы "релексифицированного" языка. Так, "медиа-ленгва" при романской базовой лексике из-за кечуанских синтаксических конструкций должен признаваться индейским языком. Соответственно, идиш, в котором преобладает германская лексика, следует признавать славянским языком, ибо процесс его становления свелся к двум ступеням релексификации двух разных славянских языков: верхнелужицкого и полесского диалекта древнерусского языка. Решающим аргументом в пользу такого предположения автор считает отсутствие в идише каких-либо специфически германских синтаксических категорий, которые отсутствовали бы в славянских языках. Утверждение это недостаточно аргументировано. Я бы упомянул, например, отделяющиеся глагольные префиксы в идише и в немецком, чего категорически нет в славянских языках, полагаю, что и в неизвестном мне верхнелужицком тоже. Автор же уверяет, что весь идишский синтаксис категорически одинаково соответствует и германской, и славянской нормам, а, следовательно, по его мнению, нет оснований считать идиш чем-либо иным, как пятнадцатым славянским языком.

Разумеется, при таком рассуждении возникает целый ряд теоретических возражений (или недоумений), которые затрагивают глубинную сферу лингвистической теории, в особенности компаративистской ее части. Во-первых, это представление о языковом родстве. Если оно базируется на типологических (в данном случае, синтаксических) категориях, а не на материальных носителях таковых, то это само по себе требует коренного пересмотра самого смысла языкового родства. Как замечает сам автор, при подобном подходе часто исчезает разница между типологической и генетической характеристикой языка. Кроме того, как пишет он сам, "мы недостаточно знаем верхние границы объема языковых заимствований для того, чтобы отличать случаи, в которых некий язык А подвергся сильному влиянию со стороны языка В, от тех, где язык А был релексифицирован языком В". И дальше он продолжает: "Мог ли идиш, чья лексика в основном имеет германское происхождение, заимствовать такое множество славянских элементов дискурсных, синтаксических и деривационных?" (с. 23). Ответ его на этот во-

прос очевиден: этот факт является свидетельством не заимствований, а релексификации, которая принципиально отлична от процесса простого языкового заимствования. Этому он посвящает специальное рассуждение, основанное на опубликованной им же работе, написанной в соавторстве со специалисткой по лужицким языкам Ю. Хорват [Horvath, Wexler 1997]. Оно сводится к тому, что релексификация не может быть рассматриваема как просто необычайно интенсивный процесс языкового заимствования. Она принципиально отлична от заимствования как такового, ибо вызвана иными социолингвистическими, или вообще экстралингвистическими причинами, а именно формированием нового типа идентичности у релексифицируемого языкового коллектива (с. 21).

На основании этой теоретической концепции автор предлагает следующую историческую реконструкцию развития еврейского языкового поведения в Восточной Европе на протяжении последних полутора тысяч лет. Проникновение иудаизма в сегодняшнюю Восточную Германию, в частности в долину Одера и Нейсе, происходит где-то в середине I тыс. н. э. благодаря небольшому количеству (?) собственно иудеев из Балкан, среди которых большинство были потомками иудайзированных жителей Византии, хотя какое-то весьма небольшое (?) количество их могли действительно быть потомками древних жителей Иудеи. В конце I тыс. н. э. они иудайзируют часть славянского населения бассейна Эльбы и Одера. Вскоре после этого, в период IX–XII вв., начинается германизация всего района, в процессе которой иудеи-лужичане релексифицируют свой верхнелужицкий язык, но иным способом, чем христиане-лужичане и полабские славяне, которые в результате оказываются ассимилированными немецким языком. Религиозная специфика иудеев-лужичан приводит к тому, что в результате этой первой релексификации появляется идиш. Этот язык сохранил, по мнению автора, славянскую структуру, особенно синтаксис и фонологию, но заменил порядка 80% вокабулярия на германские и в небольшом количестве на семитские лексемы. Тем самым, этот первоначальный, как он его называет, "лужицкий идиш", следует признать своеобразным (bizarre) славянским диалектом. Примерно одновременно с этим происходит независимое возникновение другого еврейско-немецкого языка в прирейнской зоне, на основе еврейско-романского субстрата из западного и южного лоззов. Эти два языка, т.е. прирейнский еврейско-немецкий и лужицкий идиш,

не связаны непосредственным генетическим родством, причем первый впоследствии исчезает, очевидно, вытесненный более поздним идишем.

К востоку от рассматриваемого района в конце I тыс. н.э. существовало другое иудайзированное население, которое восходило к хазарским иудеям. Существование его зафиксировано, в частности, в знаменитом Киевском письме и в ряде других документов, в том числе в русских летописях. К X–XII вв. эти иудеи были славяноязычными и говорили на киевско-полесском диалекте древнерусского языка, который они называли "кенаанским". Если первых иудеев, проникших в Восточную Германию из Балкан, П. Векслер именует "славяно-тюрками", то последних называет "тюрко-славянами". В специальном разделе 4 главы, названном "Хазарский компонент" (с. 513–541), автор анализирует все немногочисленные свидетельства тюркского или иранского языкового влияния в идише и вообще в ашкеназской культуре с целью доказать идею хазарской преемственности. Эта восточнославянская еврейская группа существовала до XV в., когда она встретилась с "лужицкими" ашкеназами на территории средневековой Польши. Результатом этого контакта стала вторая релексификация еврейского варианта древнерусского языка, при которой языком-релексификатором стал "лужицкий идиш". Этот процесс завершается в XVII в. формированием так называемого восточноевропейского, или восточного идиша.

Параллельно с этими двумя основными ступенями релексификации происходят еще 4 дополнительных релексификации, которые не являются, строго говоря, стадиями становления идиша. В период между XII и XIX вв. идиш релексифицируется древнееврейским и "идишскими геброидизмами" (под ними автор понимает искусственно созданные по древнееврейской или славяно-германской словообразовательной модели новые, как бы семитские, слова), в результате чего получается мертвый "письменный ашкеназский иврит", т. е. язык многочисленных раввинских сочинений средневековья, а также язык деловой документации, образования, литературы. Его также следует признать своеобразным славянским диалектом.

Между XIV и XVIII вв. библейский древнееврейский релексифицируется в той же среде верхненемецким, в результате чего складывается язык письменных переводов библейских текстов на идиш, так называемый "хумеш-тайч", который также представляет собой своеобразный славянский диалект.

Наконец, с конца XIX в. идиш релексифицируется древнееврейским вокабулярием и превращается в современный иврит. Другая форма релексификации, но уже романским вокабулярием тоже в конце XIX в. приводит к появлению эсперанто. Понятно, и иврит, и эсперанто в рамках данной схемы также представляют собой "своеобразные славянские диалекты".

Внешних аргументов в пользу этой теории в виде каких-либо исторических источников не существует. Не существует и таких ожидаемых показателей, как наличие ярко выраженных лужицких или хазарских субстратных элементов в идише. Поэтому основным методом доказательства является сам язык идиш, более точно, детальное исследование механизмов отбора германской и семитской лексики, как и грамматических и семантических элементов в идише в сравнении с верхнелужицким, а также украинским и белорусским языками. Автор рецензии не является славистом, и ему трудно оценить приведенный огромный материал по славистике. Могу только сказать, что П. Векслер обладает определенным именем в западной славистике и является автором нескольких трудов по белорусскому языку.

Понятно, что теория П. Векслера, к которой он шел много лет, и которая нашла сейчас воплощение в рецензируемом труде, воспринята подавляющим большинством специалистов, включая и самого рецензента, с недоверием и рассматривается как фраппирующая и провокативная. Сам П. Векслер вполне отдает себе в этом отчет и указывает на две основные причины такого восприятия, с которыми трудно не согласиться.

Первая заключается в том, что концепция релексификации представляет собой угрозу для теоретических аксиом компаративистики. Согласно последним, родственными считаются языки, между системами которых устанавливаются регулярные соответствия на уровне материальных носителей языковых категорий. Компаративистика оперирует понятием генеалогического древа "как классического одновершинного графа, в котором два и более узлов могут иметь единого предка, но никакой узел не может иметь более чем единого предка" [Бурлак, Старостин 2001: 47]. Релексификация в том виде, как она понимается П. Векслером и его коллегами, несомненно, подрывает этот теоретический постулат и делает компаративистское сравнение произвольным, а генеалогическую классификацию волюнтаристской. Если даже допустить, что П. Векслер прав в своих исторических реконструкциях и что

предки людей, говоривших на идише, до этого говорили на варианте верхнелужицкого, из этого вовсе не проистекает утверждение, что идиш является генетическим продолжением верхнелужицкого. Так же, как и не обязательно утверждение, что гаитянский креоль следует относить к группе ква-кру нигер-кордофанских языков. Вопрос этот, безусловно, имеет отношение к идущему достаточно давно спору о том, как классифицировать пиджин-креольские языки – как неклассифицируемую группу или вместе с теми группами, к которым относится доминирующая в них лексика? Иными словами, следует ли считать названный выше гаитянский креоль романским языком, или неклассифицируемым. П. Векслер, скорее всего, предложит считать его бантоидным. Конечно, строго лингвистическое решение этого вопроса предполагает классификацию этого языка как романского; исключение его из классификации демонстрирует беспомощность исследователя и имплицитное признание двух принципиально отличных друг от друга видов языка, имеющие очень далеко идущие последствия, наконец, третий путь, векслеровский, т.е. классификация его с африканскими языками, будет иметь своим неизбежным следствием полное отрицание всей теории компаративистики, что разрушительно для лингвистики в целом. Это – основная причина, как я понимаю, почему векслеровские сочинения и, в частности, теория релексификации, принимается в штыки большинством лингвистов. Если мы соглашаемся с тем, что идиш – славянский язык, то, что мешает нам утверждать, что славянские языков на самом деле гораздо больше – тот же Векслер считает славянским и румынский, а что говорить о чуванском или о большом количестве языков Русского Севера, которые сегодня, находясь в интенсивном языковом контакте с русским, воспринимают все больше и больше русских типологических черт? Если так, то вся генеалогическая схема теряет смысл и тогда, строго говоря, неважно, называть идиш славянским, германским или семитским языком. Ибо в этом случае меняется само содержание этих на сегодня, как кажется, понятных категорий.

Не менее существенна и вторая причина отвержения векслеровских реконструкций. Она лежит уже за пределами лингвистики. Сам П. Векслер пишет следующее: "Релексификация часто приводит к выводам об этногенезе данного народа, которые противоречат преобладающим национальным мифам" (с. 41). Особенно ярко это применимо к евреям. Безусловно, представление о генетичес-

кой связи между древним населением Израиля и Иудеи и современными евреями лежит в основе еврейского этнического и религиозного самосознания, еврейской идентификации. П. Векслер, в силу причин, которые связаны, скорее всего, с особенностями его личной судьбы, стремится постоянно к развенчанию этого 'национального мифа'. Об этом говорят уже названия многих его сочинений, сформулированные так, чтобы вызвать мгновенную и остро негативную реакцию носителей этого мифа. Таким названиям, как "Шизоидная природа современного иврита – славянский язык в поисках семитского прошлого", "Ашкеназские евреи – славяно-тюркский народ в поисках еврейской идентичности" [Wexler 1990, 1993] и пр., не место в академических изданиях. Нет никакого сомнения, что стремление спровергнуть отрицательную реакцию, сознательно и демонстративно развенчать 'священных коров' еврейского сознания являлось одной из целей автора.

Если же говорить по сути, то П. Векслер не прав, утверждая отсутствие какой-либо этнической связи между евреями средневековья и античными иудеями. Во-первых, он сам неоднократно намекает на то, что кроме 'иудаизированных лужичан и полабских славян' должны были быть и некие собственно иудеи, т.е. те, кто обратил этих славян в иудаизм. Поскольку ни о тех, ни о других в истории решительным образом ничего не известно, гадать о том, кто были эти иудеи, не приходится, но все-таки кто-то должен был там быть, если считаться с векслеровскими гипотетическими построениями. Более того, исследования по популяционной генетике евреев подтверждают существование общих генетических маркеров у разных этнических групп евреев, в частности у ашкеназов и сефардов. Недавно были проведены пока еще не опубликованные в академической печати исследования Y-хромосомы и митохондри. Судя по сообщениям в популярных изданиях, они также подтвердили наличие общих генетических характеристик у евреев и арабов Восточного Средиземноморья [Mourant et al 1978, Patai R., Patai J. 1989].

Но главное не в этом, а в том, что проблема этнической преемственности по сути своей – проблема идеологическая, а не биологическая. У каждого человека количество его биологических предков возрастает в арифметической прогрессии по мере удаленности в прошлое. Каждый человек имеет в 10 поколении 1024 прямых предка. Вопрос не в том, кем они были по национальности, можно смело сказать, что среди них всегда присутствуют люди разного происхождения.

Вопрос в том, кого из них культурная общность, к которой принадлежит Эго, отбирает как "предков", а кого игнорирует. Так вот, "лужичан" среди идеологических предков евреев нет, так же, как и нет евреев среди идеологических "братьев" лужичан. Теоретически возможный и даже вероятный факт участия славян в этногенезе евреев Восточной Европы не несет в себе того "разоблачительного" потенциала, который, очевидно, предполагал П. Векслер.

Завершая рецензию, попробую суммировать впечатление от этой весьма неординарной книги. Первая реакция на нее – определенно негативная. Первое впечатление состоит в том, что серьезный и высоко профессиональный специалист посвятил себя какой-то странной лингвистической и исторической практике. Но таково только первое впечатление. Потом понимаешь, что в этом объемистом исследовании рассмотрены основные вопросы, связанные с происхождением идиша и других еврейских языков, а также как-то обозначены и иные базовые для лингвистической теории проблемы. Происхождение идиша действительно неясно, вайнрайховская концепция, до сих пор считающаяся хрестоматийной, во многих своих частях не выдерживает критики. Перенос центра формирования идиша в славянские земли или, по меньшей мере, повышение роли еврейско-славянского как одного из источников идиша, выглядит вполне оправданным. П. Векслер неоднократно замечает, что нельзя объяснить огромное количество славизмов в идише только контактом. Другие языки, также находившиеся в славянском окружении на примерно той же территории, например, тюркские, финно-угорские или балтийские, не обнаруживают столь фундаментального славянского влияния, как идиш. Если это так, то, безусловно, оправдано обращение к методике исследования пиджинов и особенно крепольских языков. Само по себе привлечение понятия релексификации, видимо, оправдано также. Но это уже, в свою очередь, влечет за собой постановку множества теоретических вопросов, часть которых я обозначил выше. Одним из них является слабо разработанный

в лингвистике вопрос о способах формирования языков. Очевидно, что графовая однополюсная дивергенция, принятая в современной компаративистике, не исчерпывает известной нам реальности. Одной из частей этой реальности являются еврейские языки, изученные далеко не исчерпывающе. Само по себе это плохо, потому что вскоре их не останется. П. Векслера, безусловно, можно упрекнуть в излишнем радикализме. Но несомненно, что нам предложено серьезное исследование, которое может заинтересовать самый широкий круг лингвистов и специалистов в области смежных дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак, Старостин 2001 – *С.А. Бурлак, С.А. Старостин*. Введение в лингвистическую компаративистику. М. 2001.
- Horvath, Wexler 1997 – *J. Horvath, P. Wexler*. Relexification: Prolegomena to a research program // *J. Horvath, P. Wexler (ed.)*. Relexification in Creole and non-Creole languages. Wiesbaden, 1997.
- Katz (ed.) 1987 – *D. Katz (ed.)*. Origins of the Yiddish language. Oxford, 1987.
- Koestler 1976 – *A. Koestler*. The thirteenth tribe. The Khazar-empire and its heritage. London, 1976.
- Mourant et al. 1978 – *A. E. Mourant*. The genesis of the Jews. London, 1978.
- Patai R., Patai J. 1989 – *R. Patai, J. Patai*. The myth of the Jewish race. Detroit, 1989.
- Weinreich 1980 – *M. Weinreich*. History of the Yiddish language. Chicago, London, 1980.
- Wexler 1990 – *P. Wexler*. The schizoid nature of modern Hebrew, a Slavic language in search of a Semitic past. Wiesbaden, 1990.
- Wexler 1991 – *P. Wexler*. Yiddish – the fifteenth Slavic language // *International journal of sociology of language*. V. 91, 1991.
- Wexler 1993 – *P. Wexler*. The Ashkenazic Jews. A Slavo-Turkic people in search of a Jewish identity. Columbus (Ohio), 1993.

М.А. Членов